

Эта история посвящается дорогому моему сердцу саду из детства и юности...

Сад

Тот большой дом Наташин дедушка купил сто лет назад за свои первые кровные, заработанные врачебной практикой двадцать пять рублей. Тогда это было целое состояние...

До самой речки спускался фруктовый сад, а на улицу из-за забора смотрели высокие старые пышные кусты сирени. Наташа помнила, как они благоухали в мае!

В доме была русская печь. В ней летом сушили фрукты. Раньше – бабушка, теперь – мама. Наташа с нетерпением ждала, когда можно было пожевать остывшие свежее испеченные груши. Лучше всего высушались в печи Сахарки – небольшие, вроде бы треугольные, размером с большой грецкий орех, грушки. Они и свежими были сладкими и сочными, сок тек в рот вместе с мякотью – можно было за раз съесть десяток. Коротенькие хвостики улетали в траву – вкуснотища! Груша-Сахарка росла почти на границе с участком соседки-полковнички. Мама как-то подсмотрела, что днём, прохаживающаяся по своему двору в атласном голубом халате, важная Матильда, на рассвете выскакивала из дома в ночнушке, и, воровато оглядываясь, переступала межу, набирая ведро сахарок. А утром их опять было под деревом полно...

Теперь уже Наташин отец подсаживал новые деревья в огромном дедушкином саду. Неподалёку росла Лесная красавица. Молодое дерево несколько лет плодоносило. Наташке нравилось сорвать недозревшую большую, вытянутую грушу, похожую на гриб шампиньон на толстой длинной ножке. У Красавицы были румяные бока на ярко-жёлтом фоне, а вкус напоминал дыню. Лесная красавица могла дать два, три, а то и пять плодов, держащихся вместе. Это нравилось Наташкиным друзьям – они норовили не собирать падалицу, а сорвать именно такую семейку. Лесная красавица тоже хорошо высушалась в печи. Только надо было разрезать каждую грушу вдоль. Потом, зимой, мама варила необыкновенно вкусный узвар из собственных груш, яблок, слив, вишен и абрикос, высушенных летом.

Ильинка росла ближе к улице. Когда-то Наташина мама посадила её, малышку, в центр красивой клумбы, состоящей из круга, разделенного на фигурные четвертинки. Анютки, маргаритки, нарциссы, тюльпаны, циннии, а в центре каждой четвертинки – пышный куст пионов, оберегали грушу Ильинку, защищали её от ветров и солнцепёка. И вот она подросла, стала давать тень, и пришлось маме пересадить сначала пионы, потом и остальные цветы – груша раскинула свои ветви равномерно во все стороны. Какое красивое получилось дерево! А плоды были большими, с кулак, с крупной основой, конусом уходящей к плодоножке. А вкус! Папина любимая груша!

Потому мама недозрелые плоды целыми клала в трёхлитровые бутылки и как-то вместе с лимонной кислотой консервировала на зиму. Наташке запомнился процесс: папа аккуратно срывает два-три ведра груш, они с мамой их моют и наполняют банки... А зимой консервированная Ильинка была любимой грушой на праздничном столе.

Наташка чуть не забыла! Для консервации ещё отлично подходила Сапижанка! Это дерево росло в самом внизу, почти у изгороди, состоящей из кустов колючей жёлтой акации. Тридцать соток сада огородить забором было накладно. Потому Наташкин отец и придумал живую изгородь из акации и шиповника. От соседских мальчишек, которые, словно саранча, налетали на фруктовые деревья и кусты. Правда, мальчишки, взяв в компаньоны Наташку, проделывали в изгороди «калитки», успешно маскируя их взятыми из соседних кустов ветками...

Да, так вот, Сапижанка не успевала вызреть. Её, полужрелую, вечно съедали Наташкины друзья. Папа, поняв в чём дело, нарезал черенков и привил Сапижанку к Ильинке! И очень скоро, через пару лет, на одном дереве с двух сторон висели разные по форме и вкусу груши – круглая, как шар Сапижанка, и конусообразная Ильинка. Консервируй, мама!

Была ещё Лимонка. Душистая жёлтая груша, которая тоже быстро высыхала в печи – за несколько приёмов: нагрел, вынул, остыла. Опять нагрел, вынул...

Лимонку обожали мамины подруги Люся и Поля. Наташка набирала для них полные сумки груш, а заодно и яблок – их было столько, что делились от души!

А королевой папиных груш была Бере. Рядом росли летняя и зимняя Бере. И почему-то не переопылялись. Или это недоучившаяся ещё в школе Наташка, слабо разбираясь в ботанике, всё ждала, когда у обеих Бере станет одинаковым вкус! Ан, нет! Летняя созревала в сентябре – её сочная мякоть была так вкусна, что ничего другого просто не хотелось. А вот зимнюю нужно было снимать с первыми морозцами, аккуратно складывать в ящики и хранить в глубоком подвале-погребе. И... к Новому году зимняя Бере вылеживалась! Её жёсткую кожицу надо было очистить, а под ней таилась сахаристая мякоть, полная медово-грушевого вкуса! Не передать!

Яблони тоже были разными: и Белый налив, и Малиновка, и Титовка, и Антоновка, и Путивка, и Снежный Кальвиль, и Золотой ранет, и Пепин шафранный...

Некоторые сорта съедались летом и раздаривались друзьям семьи. Летние яблоки тоже сушились в печи, нарезанные на кусочки, и получались светлого бежевого цвета – ароматные и приятные на вкус... Золотой Ранет и Пепин шафранный зимовали в погребе и долеживали до праздника 9 мая. Папа Наташки, фронтовик, всегда выставлял их на праздничный стол и очень

гордился своими сортами – тогда не было в магазинах современных заморских фруктов.

О вишнях-черешнях, сливах и абрикосах не хватит места для рассказа. А вот о кизиле надо вспомнить! Ему было больше ста лет, он разросся огромным кустом с толстыми ветвями. Зацветал жёлтыми цветами кизил самым первым, когда все деревья весной ещё спали – жёлтый шар трёхметровой высоты собирал на себя всех весенних пчёл... А красно-бордовые ягоды созревали к концу сентября. О! Наташа помнит их необыкновенный вкус! А ещё кизил был штабом – на его шершавых ветвях мог уместиться десяток Наташкиных друзей. Здесь рассказывались весёлые истории о походах в соседские сады. И Наташка, только став взрослой, узнала от таких же выросших подруг, что большая половина историй-вылазок в сады как раз и совершалась через замаскированные калитки в Наташкин огромный сад...

Цветы в саду тоже были – разнообразные и душистые. Самым необычным был огромный куст бульденежа – с красивыми большими белыми ажурными шарами соцветий... Наташке повезло – её детство прошло в садовом раю. Немного, шесть и девять лет райской жизни в прекрасном саду досталось и Наташкиным детям. И тут грянул снос дома и сада!!!

Отстаивать «графское поместье», как назвала его тогдашняя местная власть, смысла не было. Генеральный план реконструкции центра города был утверждён. Подумаешь – сад! Подумаешь – дом! «Здесь могут жить сто семей!» - говорило начальство Наташкиному папе, когда он предлагал не уничтожать сад, а перестроить дом под детский садик... И родителям, и Наташиной семье выделили квартиры. И они ещё только собирались переезжать...

Но! Сад сносили в мае! Когда цвели яблони, вишни, Ильинка с Сапижанкой, Лимонка и Бере! Боже!!! Какой визг бензопил стоял в округе! Как разрывалось от этих звуков сердце! Рабочие начали с живой изгороди. А на деревья, как огромные вороны, уселись Наташкины дети и их соседские друзья! Они ругались с рабочими, не давали им пилить деревья, рыдали и кричали. На деревьях сидели и дети первого секретаря горкома партии – тогда – главного городского начальника. Он с семьей жил по соседству, и его дети тоже любили гулять во фруктовом саду. Они не знали, что их отец был одним из первых, кому «мулял» огромный сад, так некстати, давным-давно расположившийся в самом центре города.

И вот рабочим надоела война с детьми, они пришли в пять утра, и визжащие бензопилы убили сад на корню! Наташа, проснувшись и услышав звуки пил, всё поняла, вышла в сад, а сада нет! Только горы бело-розовых веток лежали кучами по всей территории, и одиноко стоял кизил. Его твёрдую древесину не взяли бензопилы. Пришлось рубить топорами.

«А-а-ах!!» взвыла Наташка! И тут в ночных рубашках выскочили на крыльцо дети – в слезах бросились спасать хотя бы кизил! «Дети! Назад! Опасно!» - орала не своим голосом Наташка. А рабочие махали топорами, не глядя по сторонам...

Последним рухнул бульденеж... Кружевные шары уже отцветали и чуть подсохли. Поэтому они разлетались ранеными журавликами и кружились тучкой, оседая на поверженный куст. И тут Наташа зарыдала... Ну, вот и всё... Прощай, наш сад!

...На бывшем подворье быстро построили пятиэтажку, в ней обе семьи и поселились. Неутомимый папа посадил новый сад на даче, участок выделили за городом.

Конечно, это был уже не тот сад! А бульденежа так и не нашли, сколько не искали.

В то время всем улучшали жилищные условия. И этим семьям "улучшили". Как сказал перед сносом первый секретарь горкома: "Вы будете жить, как все!" И зажили две, разделённые сносом семьи, новой жизнью – как все. Вначале пересыхало в горле от нового воздуха в квартире, будили звуки соседей, и Наташа узнала, что это такое – быть затопленными сверху, и прочая, прочая...

Теперь во снах часто приходил к Наташе старый их дом, русская печь с грушами и яблоками на больших металлических противнях, деревья яблонь и груш, и бульденеж – словно живые, благоухающие своими цветами...

Через пару лет, в мае – так совпало – Наташа с мужем ездила в областную больницу. Крепко держась друг за дружку, потопали они после обследований напрямую через усаженный цветущими яблонями больничный двор к автобусной остановке. И вдруг остановились. Прямо перед ними росло тонкое высокое деревцо, снизу до верхушки голое, а на трёхметровой высоте, как на пальме, свисал десяток веточек, усыпанных мелкими белыми шарами! Бульденеж? Не может быть! Точно – он! Обошли вокруг деревца – как же отличалось деревцо от красавца-куста бульденежа, когда-то жившего в Наташкином саду. Муж уселся под ним, смотрел вверх на цветы, и не хотел уходить. А Наташа всё ходила кругами вокруг них – искала отростки, которые можно было бы выкопать осенью...